

ЧУТКИЙ ТАЛАНТ ЕВГЕНИЯ ГОРБОВА

(к 115-летию со дня рождения)

ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021

Писатель и литературовед Василий Росляков так писал о Евгении Горбове в столичном журнале: «Перед нами своеобразный, тонкий художник, со своим видением мира и со своей темой... Значение книг Горбова, живые истоки которых – в тихих улочках городской окраины, не ограничивается масштабами этой окраины. Большой и нужный людям смысл, заложенный в них, ставит эти книги рядом с теми, что по праву занимают место на полках нашей “большой” литературы» (Вопросы литературы, 1958, № 9).

Евгений Константинович Горбов родился 9 марта 1906 года в местечке Теплик Гайсинского уезда Подольской губернии (ныне районный центр Винницкой области Украины). Отец Евгения, потомок елецких купцов, служил сидельцем в казённой винной лавке, умер в год рождения сына. После смерти мужа мать Евгения Горбова переехала в Елец, работала здесь в винной лавке, в годы первой мировой войны – в госпитале, после Октябрьской

революции – в различных учреждениях Ельца. Умерла в 1929 году.

До 14 лет Евгений учился, а потом стал ещё и работать рассыльным, сторожем в садах, грузчиком, плотником, ремонтным рабочим на железной дороге. В школе его учителем был Михаил Пришвин, который читал ученикам свои произведения. Пришвину Евгений Горбов принёс свои первые стихи... Возможно, в них было что-то от изобразительной силы другого елецкого гимназиста – Бунина. Вполне понятно, что Горбов живо интересовался творчеством Бунина. Вот строки юного Горбова:

*Гляди на ветхий свой шалаш.
На круг золы и кашеварки,
Какой повсюду ералаш.
Как краски скудны и неярки!*

*Примят, разграчен, жалок сад.
Зияют рыжие тропинки,
На листьях сумрачно висят
Такие злые дождевинки.*

*Ползёт червяк, и тянет след,
И вензелит сырую почву...
А сколько, сколько листьев нет –
Они упали нынче ночью...*

Впрочем, стихов своих Горбов, даже став профессиональным писателем, никогда не печатал. Его призванием на всю жизнь стала проза. Разнорабочим он был до весны 1926 года, когда пришёл в елецкую уездную газету. Редакция по-своему открыла подростку большой мир, свела с множеством разных людей.

Спустя годы вспоминал: «Мне нравилась вечная суতোлка и напряжённость редакционного дня – этот лихорадочный скрип перьев, телефонные звонки, шелест подшивок. Нравилось выбегать из редакции и с деловым видом, хрустя и поскрипывая изгибами недавно куплен-

ной кожаной куртки, мчаться куда-нибудь за материалом».

В личном листке по учёту кадров сотрудника «Орловской правды» Горбова значится: «апрель 1926 – апрель 1927 – инструктор елецкой уездной газеты «Красное знамя», «август 1928 – июнь 1934 – зав. промышл. отделом окружной, а впоследствии районной газеты «Красное знамя» А это значит, что в период закрытия уездной газеты в Ельце Горбов почти полтора года оставался безработным. Может быть, в такие трудные времена и начал он писать прозу, первую повесть – «Чёрный князь». Горбов вспоминал потом: «В мае 1934 года «Чёрный князь» был закончен. Я перечитал его и нашёл, что трудился не зря. Несомненно, это была лучшая из моих работ, и не грех было подумать о том, чтобы повесть увидела свет».

1934 год вообще стал для Горбова переломным. Вчерашний районный газетчик перебрался из Ельца в Воронеж и сразу опубликовал в журнале «Подъём» своё первое художественное произведение – повесть «Чёрный князь». Современный читатель найдёт в ней не только зарисовки провинциальной жизни на излёте НЭПа. Здесь и размышления о человеческой сути, о сокровенном смысле работы журналиста и о многом другом. Как потом заметит один из литературоведов, «взыскательный мастер, он с первых шагов своих в литературе творчески усваивая опыт классиков, вырабатывал свой, горбовский, почерк, свое видение мира, которое со всей определённой выявилось уже в первой повести: пристрастие к лирической (местами, когда необходимо, иронической) манере, к сложным характерам в движении, противоборстве устремлений, и сложно и драматично выявляющим себя; к пейзажам средней полосы России, к поэтическому строю души человека. А душа его и мысль устремлены к тому нравственному идеалу, который способен творить на земле живое, настоящее».

В столице Черноземья он трудился сначала заведующим сектором пути, а затем ответственным секретарём газеты ЮВЖД «Вперёд», с 1935 года – в газете «За образцовую магистраль» Московско-Донбасской железной дороги заведующим отделом культуры. Да, было

ещё несколько попыток выступить на литературном поприще – в Воронеже издают его рассказы «Золотой век» (Подъём, 1935, № 7 – 8) и «Борода Аарона» (Литературный сборник. Воронеж, 1936, т. 1). Но главные книги были ещё впереди.

В 1937 году Горбов вернулся из Воронежа в Елец, работал ответственным секретарём газеты «Сигнал» Елецкого отделения Московско-Донбасской железной дороги. Налаживались творческие связи с орловскими коллегами – в подписанном в печать 15 апреля 1941 года втором выпуске «Литературного альманаха» была напечатана повесть Горбова «Куриная слепота».

В начале войны небольшие издания прекратили выпуск, Евгений Константинович в январе 1942 года перешёл в «Орловскую правду», редакция которой была эвакуирована в Елец. Горбов вспоминал много лет спустя о страшной бомбёжке в солнечный весенний полдень 1942 года: «Сотрудники выбежали из комнат и кинулись в типографский подвал. Мы стояли, прижимаясь к стене, и пугливо прислушиваясь к тому, что делалось наверху. Там был сущий ад. Острый пронзительный свист и удар – тяжкий, сокрушительный, от которого звенело в ушах и с потолка сыпалась штукатурка. Типографское здание вздрагивало: прямой удар и от нас осталось бы одно месиво... Часто меня застигали воздушные тревоги, и я переживал их, прижавшись к первым попавшимся воротам или заскочив в попутную щель, которых много тогда было в городе. Видел ночные пожары – злое торжество бушующего пламени, хаос дымящихся бревен, развороченного кирпича, битого стекла, людей, которые ожесточённо, с каменными лицами бросались на штурм пожарищ».

В бывшем партархиве Орловской области сохранился подготовленный Горбовым в декабре 1942(!) года обзор содержания одной из районных газет Орловской области. Писатель ставил вопрос о языке как о самом важном в газетной работе даже в исключительно трудных условиях второй военной зимы прифронтовой полосы: «Нудным «однако» напичканы десятки статей и заметок. Не хотят работники «Голоса колхозника» искать новые, свежие формы для выражения своих мыслей, стандарт

им нравится куда больше... На всех материалах «Голоса колхозника» лежит отпечаток небрежности, неряшливости, неуважения к русскому языку. Работники редакции, видимо, не любят этот могучий, гибкий, нежный и обаятельный язык, которым пользовались Гоголь и Тургенев, Чехов и Лесков».

В «Орловской правде» Горбов в разные годы работал заведующим промышленным отделом, ответственным секретарём, литсотрудником секретариата. Редакция тогда стала ядром формирования писательского сообщества послевоенной Орловщины. Горбов был принят в Союз писателей СССР в 1945-м (на учёт стал в Воронежской областной организации СП СССР), а уже 28 декабря того года бюро Орловского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о создании в Орле бюро областной литературной группы. В постановлении говорилось: «Для собирания творческих сил и организации работы с молодыми писателями утвердить бюро областной литературной группы в составе: Горбова Е.К., Батова И.Г., Ермак Б.А., Деркачёва И.З., Рослякова В.П., Чернова А.З. Ответственным секретарём бюро областной литературной группы утвердить члена Союза советских писателей т. Горбова Е.К.».

Вторая половина 1940-х годов стала для Горбова периодом активного творчества. Сборник повестей «Мирные жители» принёс ему широкую известность. В 1949 году в соавторстве с А.Н. Яновским Е.К. Горбов написал пьесу «Первый салют», которую поставили на сцене Орловского драматического театра. В 1954 году публикует повесть «Феня», а в 1955 году в издательстве «Орловская правда» выходит сборник «Повести и рассказы». В 1957 году написан роман «Дом под тополями» (в 1966 году в переводе переиздан в Румынии).

Вот как вспоминали о Горбове коллеги по редакции: «Внешне это был человек, ничем особенным не примечательный. Мундштук с сигаретой «Новость», заурядная одежда. Очень был какой-то непрактичный, непробивной. Ершистый, задиристый по характеру, он почти не умел определять свои произведения в печать, отстаивать их, пробивать себе дорогу в издательствах».

Председателем бюро областного литобъединения Горбов был с 1945 года до осени 1954 года. Хрущёвская оттепель, прошедший в декабре 1958 года I съезд Союза писателей РСФСР, создание областной писательской организации (1960) заставили Горбова обратить самое пристальное внимание на то, как существует творческое сообщество в новых условиях. В неопубликованных воспоминаниях «Невидимое миру» он отметил: «Писать хотелось сильно. Новая задуманная мною повесть должна была существенно отличаться от всего, что я делал раньше. До сих пор я выступал в жанре, так сказать, лирической прозы, а теперь на очереди была сатира. И не просто сатира, а с примесью фантастики... Главный удар, конечно, должен был обрушиться на прихлебателей в мире литературы и искусства, на ремесленников, которые опошляют звание литератора. Я намеревался втянуть в повествование группу московских писателей и с их помощью и с помощью некоего волшебного хода показать, что они тоже относятся к литературным пустоцветам. Попутно я хотел вывести бюрократов из аппарата издательств, тупоголовых и злых рецензентов с их неизменной дубиной». И далее: «Это был клубок неожиданных и невероятных происшествий... новую повесть я написал быстро – за пять месяцев».

17 января 1961 года литсотрудник «Орловской правды» Горбов написал заявление: «Прошу с 1 февраля 1961 года освободить меня от работы в редакции в связи с необходимостью на некоторое время перейти исключительно на творческую работу над литературным произведением».

В архиве Музея И.С. Тургенева сохранился издательский договор от 19 апреля 1962 года. Заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия» В.А. Бояркина свидетельствовала о готовности издать новую книгу Горбова «Эликсир доктора Никанорова» объёмом 12 авторских листов – сатирическую повесть «о путях молодых талантов, о творческом начале и ремесленничестве и графомании, о том, что талант погибнет, если он не будет связан с жизнью и трудом народа». Гонорар был определён в размере 360 рублей за авторский лист, тираж – 15 тысяч экземпляров. Автор обязался сдать машинопись не позднее 20 мая 1962 года.

Чем содержание повести привлекло столичное издательство? В фокусе сюжета – заведующий отделом культуры областной газеты Олег Сладковский, а также сотрудник этого отдела Аркадий Донцов – молодой журналист и перспективный литератор. Донцов пытается вести борьбу с графоманами и газетными штампами за чистоту русской речи, своеобразие родного языка. Графомания – стихийное и тем не менее управляемое бедствие, оно поражает город. Некоторые из коллег и приятелей Аркадия, заразившиеся графоманией, тоже принимают строить ему всяческие козни. Наконец отыскивается чудодейственное химическое оружие – «антиграст-Н»¹, которое должно избавить горожан от болезни, отучившей их мыслить и поступать самостоятельно. Достаточно вылить пузырёк с чудодейственным веществом в реку, и люди, напившись здоровой, преображённой воды, могут излечиться от повальной эпидемии, взглянуть на свою жизнь трезво.

Рукопись четырежды (в разных вариантах) предлагалась издательству, но всякий раз была отклонена («оттепель» уже закончилась). Поначалу казалось, что переделки займут не так уж и много времени. Однако процесс затянулся, в итоге было создано больше десятков вариантов рукописи. Горбов писал в своих воспоминаниях: «Шли месяцы, переделка следовала за переделкой». Примечательно, что собственно в Орле повесть не рецензировалась и в писательской организации не обсуждалась. Решающее слово было за столицей.

Однако не удалось напечатать повесть и на страницах «Нашего современника», журналов «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Подъём». Отовсюду рукопись возвращали автору. Вдвойне болезненным было то, что для работы над повестью Горбов уволился из редакции газеты, а до пенсионного возраста оставалось ещё какое-то время. Как вспоминал писатель, «Пришла нужда... Это было настоящее хождение по мукам. Самое тягостное заключалось в том, что мне нигде по сути дела не сказали, почему отклонили повесть. Нигде не

заявили прямо: повесть дурна, слаба, безыдейна, порочна, нехудожественна. Игры в молчанку или уклончивые, невразумительные отговорки – вот единственное, чем встречали мою рукопись».

Сейчас очевидно, что Горбов боролся не с графоманами собственно – с ними бороться, в общем-то, бесполезно. Ему претило лицемерие власти, которая, запрещая «неудобную литературу», заставляла редакции безудержно печатать халтуру – стихи к датам и т.д. Эта линия брала начало ещё в 1920-х – противопоставляли старой интеллигенции «поэтов из селькоров». Горбов хотел сказать, что времена изменились, люди культурно и интеллектуально выросли. И уже не нужны им эти ходульные селькоровские призывы и прошедшие «литправку» рифмованные банальности. Горбов верил в новое поколение шестидесятников (как их потом назовут), но в то же время очень боялся, что и они «разменяются» на датские стихи.

Возвращаясь из издательства «Молодая гвардия» в Орёл, ночью в вагоне он поймал себя на мысли: «Вот и всё. Кончился «Антиграст-Н». Дорога, которая вела к удаче, уперлась в глухой тупик. Зря пропали три года жизни. Почему же не был допущен к спору читатель? Ещё неизвестно, что сказал бы читатель – эта многоликая, многомиллионная людская громада, бережно хранящая в своём обиходе множество различных вкусов, знаний, наблюдений, оценок...»

Умер Евгений Константинович Горбов 13 мая 1973 года. Похоронен на Наугорском кладбище. Его именем названы одна из улиц города и клуб книголюбов Орловского Дворца культуры железнодорожников.

Повесть, которую орловский журналист В.Д. Почечикин назвал «короткой улыбкой социальной “оттепели”», так и не была издана при жизни Горбова. О ней долго помнили в Орле, но никто не брался за создание книги. И только во 2-м номере тульского журнала «Ясная Поляна» за 1991 год был напечатан один из авторских вариантов повести (здесь она представлена читателю как научно-фантастический роман) с предисловием Почечикина. Ныне экземпляры этого журнала есть только в орловском Музее И.С. Тургенева, в немногочисленных библиотеках Тульской области. Современным читателям

¹ Происхождение названия «антиграст»: против – анти, графоманских – гра, стихов – ст. Н – от фамилии изобретателя, доктора Никанорова.

Орловщины и других областей, столиц повесть Горбова неизвестна. Будем надеяться, что в недалёком будущем это оригинальное произведение начала 1960-х годов станет доступно широкой читательской аудитории.

Вместо эпилога этого биографического очерка приведём отрывок из выступления орловского писателя Леонида Сапронова на вечере, посвящённом памяти Горбова, в Музее Тургенева 10 марта 1976 года: «В мою жизнь писатель Горбов вошёл очень давно, в тревожном и памятном 1942 году. Время было жестокое и беспощадное. Вот тогда-то и попался мне в руки альманах, в котором была напечатана повесть Горбова «Куриная слепота». Повесть была яркой и талантливой, вселяла в душу подлинный оптимизм. А ведь написана она на самом заурядном и, казалось бы, непоэтическом материале... Но в этом-то и сила подлинного творца: изобразить будничное и заурядное так, чтобы оно засвер-

кало алмазными гранями, вырвать его из серой повседневности, сделать полноценным предметом художественного изображения... Это был настоящий, без скидок и снисхождения, писатель, которому было дано творить по самому высокому счёту, с позиций истинной литературы... В своих литературных симпатиях и привязанностях этот маленький с виду человек всегда оставался последовательным и непреклонным. Верный лучшим традициям русской классической литературы, Горбов не умел подлаживаться к некоторым модным поветриям в творчестве и, рискуя порой очутиться за бортом современных тенденций, упрямо гнул свою линию... То, что этот писатель жил и творил в Орле, влиял на начинающих авторов, воздействовал на них и своим творчеством, и своими советами, было большой удачей для культурной жизни нашей области».

Алексей Кондратенко

ОСВОБОЖДЁННЫЙ ГОРОД

Страницы из литературных воспоминаний Евгения Горбова

Уже много раз описывали города, в которых побывали немцы. Стоит ли повторяться? В Орле было то же, что и всюду. Прочно стоял горький запах ещё не остывших пожарищ, сухой ветер лениво волочил с места на место мутные шлейфы кирпичной пыли. Блѣкое августовское небо смотрело в пустые оконные проѐмы, и неровные, щербатые стены по обе стороны дороги провожали прохожих равнодушными глазами мертвецов. Солнце пригревало стаи жирных мух, выискивало на завалах какой-нибудь особенно замысловато скрюченный лист железа или раздавленную эмалированную миску, чтобы собраться в одном фокусе и яростно вспыхнуть. Улица тянулась нудная, одичалая; она то поднималась зубчатым гребнем, то проваливалась в чёрную глубину подвалов, и лишь изредка на ней виднелись неведомо как уцелевшие, придавленные мусором, готовые умереть чахлые деревца.

Всѣ это, повторяю, было уже не ново. В день приезда мне запомнилось другое. Посреди

улицы, там, где раньше была трамвайная колея, стоял небольшой мольберт, и перед ним сидела на раскладном стуле молодая женщина в блестящем плаще, в беретике и с сигаретой во рту. Она рисовала. В двадцати шагах от художницы торчали из реки погнутые фермы недавно взорванного моста, а далее, на противоположном берегу, громоздились кроваво освещѣнные вечерним солнцем остовы каких-то зданий. Этот вид и привлекал художницу. Она рисовала старательно и спокойно, не обращая ни малейшего внимания на прохожих, которые останавливались сзади, чтобы взглянуть на её работу. Я подошёл было тоже, но женщина вдруг посмотрела на наручные часики, отбросила сигарету и поднялась. Она сложила стульчик, забрала мольберт и пошла вверх по улице, уверенно пробираясь среди завалов. Её сильные спортивные ноги легко попирали похрустывающие стѣклышки. Я невольно посмотрел ей вслед. Кто она? Приезжая художница? Может быть, ино-

страница? Как знать. Каких только людей не заносило в те поры в наши многострадальные города!

Впечатлений было много, и надо было сразу освоиться со всем новым, что приготовил нам Орёл. Освобождённый город – это же неисчерпаемая тема. Газета не ждала, и хотя мы ещё не устроились с жильём, ночлегом и прочими делами, однако с первого же дня вооружились блокнотами и карандашами.

Я рад, что сохранил вырезки некоторых своих тогдашних статей. Смотрю теперь на эти обветшалые листки и дивлюсь многообразию вопросов, которые нам приходилось освещать. Я заведовал промышленным отделом, но писал не только о промышленности. Рамки приходилось расширять. Вот очерк «Большое дело»: я рассказал в нём о чете стариков Чикиных, которая в тяжёлые дни оккупации взяла к себе трёх сироток и, несмотря на все лишения и невзгоды, выходила малышей. В другом очерке повествуется о жене фронтовика Анастасии Тишиной: эта женщина обучила штукатурному делу нескольких домохозяек и организовала из них строительную бригаду. Очерк «Художники» посвящён местным мастерам кисти, решившим запечатлеть на своих полотнах героиню Орловской битвы. Художники, строители, учителя, почтовики, кооператоры – все они имели право выйти на газетные полосы, и с каждым днём их становилось больше. К генеральной теме «Всё для фронта, всё для победы» прибавилась другая: «Быстрее залечим раны войны».

В первые две-три недели я не имел пристанища, жил в редакции. Спал на веранде, на голом канцелярском столе, положив под голову старую газетную подшивку и укрывшись шинелькой. Просыпался от резкой свежести и от яркого солнца, которое вылезало из-за угла дома и впивалось мне прямо в глаза. Конечно, здесь и думать не приходилось о продолжении повести, и «Мирные жители» лежали в моём чемоданчике, оборванные на половине фразы.

Чтобы как-то отвлечься от неприятных мыслей, я решил дать ход и «Любимому городу». Куда его послать? Я долго думал и, наконец, остановил выбор на журнале «Знамя». Почему именно на нём – не помню. Рукопись была запечатана и отправилась в путь.

Ответ пришёл неожиданно скоро. Через какие-нибудь десять дней передо мной лежали два конверта. В большом была моя рукопись, в маленьком – письмо из редакции журнала.

Я утерял это письмо, но содержание его помню. Сводилось оно к следующему: повесть написана вполне литературно, фигура главного героя выписана любовно и т.п. Можно было бы печатать повесть, но поскольку автор берёт первый этап войны, эта вещь не вызовет у читателя интереса. Поэтому печатать, пожалуй, нецелесообразно.

В глубоком и мрачном раздумье сидел я над этим письмом. Мысли мои складывались примерно так:

«С первым этапом войны я запоздал. Ладно. Но ведь так будет постоянно. Пока я буду писать о первом этапе, наступит второй; возьмусь за второй – наступит третий. Я всегда буду отставать. Так дело не пойдёт. Надо торопиться, нажимать, чтобы спасти хотя бы «Мирных жителей». Но как нажимать? Где?»

Я плюнул и в тысячный раз проклял судьбу, которая всегда отказывала мне в мало-мальски удобном уголке для работы.

И вдруг мне повезло: угол нашёлся.

Итак, теперь я мог работать. Уже с утра меня томило нетерпение: скорей, скорей. Я делал всё, что мог, чтобы пораньше уйти из редакции и сразу сесть за «Мирных жителей». Иногда это удавалось, но чаще всего работы было так много, что я освобождался лишь поздно вечером, когда за окнами стояла непроглядная тьма.

Город затихал как-то сразу. Он не спал, нет, но в угрюмых контурах его руин, которые еле обозначались на заволочённом тучами небе, было что-то нереально, отрешённое от жизни, и трудно было поверить, что совсем рядом, в разветвлении улиц и переулков, ещё сохраняются свет, тепло, человеческая речь. Шаги звучали тупо, без отголоска, и сразу замирали, словно кто-то подстерегал и душил звуки. Нереальное надвигалось, как протянутые вперёд, готовые схватить руки, и мне начинало казаться, что я не в своём городе, даже не на земле, а где-то в неизмеримых сферах, на одной из неведомых, никем не описанных планет, более фантастичных, чем все Марсы и Венеры, взятые вместе. Я шёл во

тме, и странный мир, состоящий из одних медленно проплывающих, перемежающихся, тупых, острых, зубчатых контуров, равнодушно открывался передо мною и смутно замыкался позади.

Так я добирался до своего нового жилища. Дом, конечно, безмолвствовал. Хозяин и его супруга спали. Я открывал калитку, заходил во двор и, прежде чем постучать, на минуту останавливался, вдыхая дремотные запахи огорода. Вдоль забора тянулись длинные грядки помидоров. Невидимые в темноте, они дразнили обоняние, напоминая, что до скудного утреннего завтрака ещё страшно далеко.

«С точки зрения высшей справедливости, – думал я, – личные огороды – нелепость. Все люди равны, и помидоры должны принадлежать всем поровну. Надо хоть отчасти исправить несправедливость».

Я срывал и быстро рассовывал по карманам несколько помидоров, затем стучал в дверь, торопливо проскальзывал в свою комнату и, когда всё затихало, тотчас брался за помидоры. Они были крупные, упругие, и приходилось соблюдать всяческую осторожность, чтобы густой сок не стрельнул на брюки, одеяло, или, упаси бог, на стену.

Комнатка моя была невелика: стол, кровать и два стула. Вместо двери на притолоке висела старенькая драпировка. Небогато, но работать всё-таки можно. Особенно в ночное время. Я прислушивался к тиканью ходиков на хозяйской половине. Сколько сейчас? – и осторожно заглядывал в приоткрытую дверь. Без четверти двенадцать... Можно поработать три-четыре часа и столько же времени поспать. Всё в порядке. Я вынимал «Мирных жителей» и клал рядом чистый лист бумаги.

Время пролетало незаметно. Мои герои выходили ниоткуда, делали всё, что им положено, жили каждый своей жизнью, и в минуты наибольшего подъёма воображения их фигуры, лица, голоса представлялись мне наиболее чётко и выразительно. Затем наступал спад, и герои тускнели, словно прятались за мутное стекло. В такие минуты я откидывался назад и прикрывал глаза. В усталую голову лезло всякое: и меню вчерашнего обеда, и нудная статья, которую недавно пришлось править. И вдруг, как укол

в сердце, – мысль о жене и сынишке. Что они, как им сейчас? Из писем жены я знал, что в эвакуации живётся далеко не сладко. В скором времени они собирались вернуться. Какова-то будет наша жизнь на новом месте?

Хозяйские ходики скороговоркой отсчитывали три. Я прятал свои бумаги, ложился и тяжело засыпал.

В ту пору наша «Орловская правда» писала:

«Прошло только четыре месяца со дня освобождения Орла, но город уже стал неузнаваемым. Улицы очищены от хлама, мусора, обломков, работают электростанция, водопровод, радиоузел, телефонная станция, десятки предприятий. Пущен трамвай, открыты областная библиотека, два кинотеатра, готовятся к открытию областной краеведческий музей и музей Тургенева. Возрождается и литературная жизнь».

Насчёт того, что город стал неузнаваемым, газета явно преувеличила. Следы войны сохранялись ещё очень долго. Но музы, действительно, зашевелились. Редакция никогда не жаловалась на недостаток стихов и рассказов, но тут они хлынули целым потоком. Писали все: и фронтовики, и демобилизованные, и те, кто работал в тылу, и учащиеся, и пенсионеры. Каждый из авторов на все лады варьировал неисчерпаемую тему: добыём фашистского зверя. В этих писаниях было много патриотических чувств, но, увы, очень мало мастерства. Из ста стихотворений в печать попадало одно или два. Однако поток не иссякал, и поэты и прозаики, которым несколько повезло, обретали новые силы и скоро образовали вокруг газеты так называемый литературный актив.

Теперь, по прошествии двадцати пяти лет, я не могу вспомнить ни одного из этих активистов. Люди приходили и уходили, и бог весть, что стало с ними в дальнейшем. Вероятно, многие (если не все) сложили перья. Но тогда была пора подъёма, радужных настроений, и если начинающий хоть раз видел в газете свою подпись, его почти невозможно было убедить в том, что литература – твёрдый орешек.

Как раз в те дни наша редакция пополнилась ещё двумя работниками. Это были молодые ребята двадцати двух – двадцати трёх лет. Оба пришли из Брянских лесов, оба были пар-

тизанами и оба имели склонность к литературе. Николай Прохоров писал прозу, Василий Росляков – стихи. С их приходом наши литераторы ещё более оживились, и в самой редакции появилось, так сказать, творческое ядро. Чаще стали слышаться разговоры о том, что пора бы создать у нас литературную группу, наладить выпуск литстраницы и даже – почему не так? – собственного литературного альманаха.

И вот тут-то – в середине декабря (в ноябре. – *Ред.*) – в Орёл приехала группа московских писателей: Феоктист Березовский, Елена Благинина и Олег Эрберг.

У группы была определённая цель: оживить литературное движение на Орловщине.

...В тесной комнатке промышленного отдела собралось человек пятнадцать. Половину составляли свои, редакционные, другую – активисты.

На собрании, конечно, говорили о выявлении новых сил, об учёбе, творческом росте и высокой требовательности к себе. Затем выбрали бюро литературной группы; в него попал и я. В заключение выступил со своими стихами поэт-партизан Вася Росляков. Он читал, как было тогда в моде, драматическим голосом, с выразительными паузами и коротеньким подвыванием в особо патетических местах.

За первым собранием последовали ещё два. На них, как писала тогда наша газета, «были обсуждены произведения местных авторов – тт. Горбова и Прохорова». Я читал большой отрывок из «Мирных жителей». Читал, конечно, отвратительно, однако удостоился похвал.

Елена Благинина была родом из Орла и приходилась мне почти землячкой. Я с интересом присматривался к ней. Мне нравились её манера держать себя, её спокойная простота, непринуждённость, и даже то, как она лёгким движением пальца сбивала пепел со своей папиросы. Курящим женщинам свойственна некая бессознательная рисовка, но у Благиной этого не было: она и затягивалась, и окурочок гасила, как завзятый курильщик-профессионал. Вообще всё в ней было просто, ясно: открытое приветливое лицо, губы, чуть тронутые юморком, бесхитростная русская причёска: прямой пробор и коса, обёрнутая вокруг головы. Благинина выступала сама, часто подавала реплики, и её

слегка певучий, как бы урезонивающий голос всякий раз звучал по-товарищески дружелюбно.

Мы с ней часто и запросто разговаривали. Она была отличной собеседницей, и её приятельский тон всегда располагал к откровенности. Меня очень привлекало её пристрастие ко всякого рода местным словечкам и поговоркам: они были пестры и сочны, как кустарная роспись на деревянной посуде. «Жду ответа, как соловей лета», – говорила Благинина, и эти слова вдруг напоминали мне кустодиевскую ярмарку, карусель, сарафаны, цветастые платки.

Прочитав «Мирных жителей», Благинина, видимо, отметила некую общность своего – орловского и моего – елецкого речевого склада. Однажды она сказала:

– Я безумно люблю язык наших великих земляков. У вас чувствуется их хорошее влияние. Меня очень радуют ваши провинциализмы – все эти «курбастенькие», «чох», «хархары», «пырля»...

– Значит, вам нравится повесть? – спросил я.

– Нравится, надо её пристраивать.

– Да, легко сказать, а как это сделать?

Я рассказал ей о печальной судьбе «Любимого города» и о некоторых прежних своих неудачах. Она сидела, положив ногу на ногу, крепко затягивалась и внимательно слушала. По мере того, как продвигался мой рассказ, её лицо всё больше оживлялось какою-то новой, видимо, только что пришедшей мыслью. И уже не помню: сам я её о том попросил или это было её предложение, но только вдруг родился план, который она сформулировала так:

– Я заберу «Мирных жителей», отвезу в Москву и передам вашему шефу – Константину Федину. Заодно передам ему вашу всепокорнейшую просьбу – дать ход повести.

Я немного испугался.

– Ну вот, Федина ещё припутывать.

– Под лежащий камень вода не течёт, – наставительно сказала Благинина.

– Да я что... Я очень рад. Большое вам спасибо. Лишний экземпляр у меня есть.

– Вот и приготовьте его.

Как поэтесса, пишущая для детей, Благинина особо выделяла то место моей повести, где Коля Гусев сталкивается с сопливым немецким водовозом – «сенбернарм». Один раз она заметила:

– Вам следовало бы написать новую вещь – о мальчишках-героях.

– Пожалуй, пороку не хватит, – ответил я. – Да и тема это не моя.

– Жаль. Тогда сделаем иначе. Весь эпизод с сенбернаром выглядит как маленькое самостоятельное произведение. Выньте его из повести, и я постараюсь устроить его отдельно.

Устройство моей повести действительно сулило Благиной кучу хлопот, но она бра-

лась за дело так охотно, с такой лёгкой душой, словно это могло доставить ей одно удовольствие. Конечно, я поспешил подготовить рукопись и уже на другой день передал её своей попечительнице.

Москвичи пробыли у нас с неделю и во второй половине декабря уехали.

(Воспоминания впервые опубликованы в газете «Орловская правда» 12 августа 1973 года).

Делегаты от Орловской писательской организации на II съезде писателей РСФСР – Е. Зиборов, В. Мильчаков, Л. Афонин, Е. Горбов (Москва, март 1965 г.)